

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.29.1.061-069

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Скоробогатов Андрей Валерьевич,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова,
доктор исторических наук, доцент
420101, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2024

Аннотация. В статье исследуются роль правовых ценностей в социальной идентификации граждан в транзитивном обществе. На основе анализа ценностных основ законодательства и его роли в конструировании социальной идентификации сделан вывод о примате в транзитивном обществе аксиологического уровня правовой реальности над онтологическими. Конституционная идентификация человека в этих условиях определяется не принадлежностью к определенной нации и реализацией выработанных ею правил, а позиционированием отождествления с сообществом на ценностных основаниях. Зачастую такое отождествление выступает не столько идентификацией, сколько имитацией, поскольку предполагает лишь артикуляцию соблюдения правил, а не следование им. Исходя из этого, идентификация в транзитивном обществе носит ситуативный характер и является фрагментарной. В этих условиях изменяется роль законодательства в социальной идентификации. Оно становится инструментом, который использует адресант коммуникации для трансляции адресату системы ценностей, обеспечивающих не только идентификацию граждан, но и правомерное поведение. Одновременно именно законодательство в силу своих инструментальных особенностей способно преодолеть транзитивность и вывести общество на стабильное развитие и функционирование.

Ключевые слова: правовая ценность; правовая реальность; конституционная идентификация; транзитивное общество; социальное конструирование реальности; постклассическая рациональность; законодательство; акты стратегического планирования.

AN IDENTIFICATION POTENTIAL OF LEGAL VALUES IN A TRANSITIVE SOCIETY

Andrey V. Skorobogatov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor, Department of Theory of the State and Law
and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov
av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. *The article examines the role of legal values in the social identification of citizens in a transitive society. Based on the analysis of the value foundations of legislation and its role in the construction of social identification, a conclusion is made about the primacy of the axiological level of legal reality over ontological ones in a transitive society. The constitutional identification of a person in these conditions is determined not by belonging to a certain nation and the implementation of the rules developed by it, but by positioning identification with the community on value grounds. Often, such identification is not so much an identification as an imitation, since it involves only articulating compliance with the rules, and not following them. Based on this, identification in a transitive society is situational and fragmented. In these conditions, the role of legislation in social identification is changing. It becomes a tool that the addressee of communication uses to broadcast to the addressee a system of values that ensure not only the identification of citizens, but also lawful behavior. At the same time, legislation, due to its instrumental features, is able to overcome transitivity and bring society to stable development and functioning.*

Keywords: *legal value; legal reality; constitutional identification; transitive society; social construction of reality; postclassical rationality; legislation; acts of strategic planning.*

История человечества характеризуется сочетанием традиционности и транзитивности, которые выступают методологической основой сохранения и развития общества, государства и права. Примат транзитивности над традиционностью означает не просто наличие в обществе ценностных установок на инновации и модернизацию, но и реформационный характер социального развития. Однако транзитивность не всегда предполагает переход от одного качественного состояния социума к другому и носит относительно кратковременный характер. Зачастую речь может идти об обратном транзите, при котором результатом становится реконструкция социальных форм, хотя и показавших свою эффективность, но не имеющих актуальности в связи с произошедшими социальными трансформациями. При этом транзитивность выступает не только как исторический переход от одной стабильной социальной системы к другой, но и ситуативное бытие социума, характеризующееся отсутствием маркированных констант и четко сформулированной цели социального развития. В этом случае хронологическое бытие транзитивности может занимать достаточно большой временной отрезок. Будучи важнейшим свойством социальной реальности, транзитивность присутствует на всех уровнях бытия общества, включая правовую сферу¹. Исходя из этого, особое значение приобретает изучение транзитивного общества как самостоятельного этапа социального развития.

Идентичность в транзитивном обществе всё больше приобретает характер примата аксиологии над онтологией. Главным становится не то, членом какого реального сообщества является индивид, а с какой номинальной группой он себя отождествляет и ценности какой группы воспринимает в качестве определяющих его поведение². Неопределенность транзитивного общества не только придает социальной идентичности подвижный характер, но и делает ее ситуативной³. Однако не всегда речь идет о действительной идентификации индивида. Зачастую конструируется лишь имидж. В последнем случае индивид лишь конструирует

¹ Попов В. В., Музыка О. А., Киселев С. А. Транзитивное общество: опыт концептуализации // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-2(54). С. 159–161.

² Spears R. Group Identities: The Social Identity Perspective // Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. (eds). Handbook of Identity. Theory and Research. Dordrecht : Springer, 2011. P. 201–224.

³ Харченко А. Ю. Идентичность в транзитивном обществе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2016. № 4. С. 207–212.

симулякр, который позиционирует его самоидентификацию, но не является таковой. Особенно это характерно в условиях вертикальной и квазигоризонтальной коммуникации. При вертикальной коммуникации индивид-адресат способен воспринимать ценности и нормы, которые ему транслирует адресант, что позволяет идентифицировать себя с сообществом как онтологически, так и аксиологически. Правда, в последнем случае его мотивация может варьироваться от ценностного отождествления себя с группой до воспроизводства норм в силу привычки, стремления походить на окружающих или принуждения. При квазигоризонтальной коммуникации адресат, воспринимая нормы и ценности адресанта, рассматривает их в качестве собственных, в выработке которых он принимал непосредственное участие. В этих условиях осуществление социальной мобильности межгруппового характера происходит не столько путем расширения ценностной базы индивида, трансформацией его сознания на мультикультурной основе, сколько путем смены социальной и правовой идентичности. Занимая более высокое положение в обществе, а тем более в государственном аппарате, индивид начинает отождествлять себя с принципиально иной социальной группой, воспринимая ее нормы и ценности и, как правило, отказываясь от идентичности с прежней группой. Сохранение при этом «кумовства» и «землячества» проявляются не горизонтально, а вертикально. Переходя на иной социальный уровень, индивид воспринимает себя по отношению к прежним сочленам в качестве адресанта, и оказание им содействия в разрешении проблем родственников или земляков, занимающих более низкое социальное положение, воспринимается в качестве легитимного способа укрепить свою социальную идентичность. Наибольшую сложность эти процессы приобретают в «сложноструктурных обществах» («komplexe Gesellschaften»), по выражению Ю. Хабермаса⁴. К таким обществам можно отнести и Россию.

Для транзитивного общества характерно стохастичность и фрагментарность правового развития. Большую роль в регулировании общественных отношений играет правовая доктрина. Нормативные правовые акты, как правило, принимаются ситуативно, для преодоления возникающих пробелов в правовом регулировании, часто мнимых и существующих лишь в сознании политической элиты, что ведет к расширению пределов правового регулирования. С этим связан законодательный активизм и издание большого числа актов о внесении изменений в предшествующее законодательство. Увеличивая количество таких законов, адресант транслирует информацию о стремлении государства интегрировать легальность и легитимность официального права, что предполагает сочетание политических целей и социальных интересов.

Идентификация в транзитивном обществе носит амбивалентный характер⁵. С одной стороны, налицо кризис социальной идентичности, проявлениями которого являются утрата символов (прежде всего сакральных), расщепление исторической памяти, когнитивный диссонанс, противоречия между внутренним и внешним образами правовой реальности⁶. С другой стороны, наблюдается стремление политической элиты (не только общенациональной, но и региональной⁷) сконструировать новую социальную идентичность в короткие сроки⁸. Это конструирование в силу

⁴ Habermas Jü. Können komplexe Gesellschaften eine Vernünftige Identität ausbilden? // Habermas Jü. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1976. S. 92–125.

⁵ Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 5.

⁶ Balinchenko S. Mythologeme-Related Crisis of Identity: Reality and Fictional Markers of Alienation // Future Human Image. 2019. Vol. 11. P. 5–13.

⁷ Wilmers L. The Local Dynamics of Nation Building: Identity Politics and Constructions of the Russian Nation in Kazan and Ekaterinburg // Nationalities Papers. 2022. P. 1–22.

⁸ Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2010. № 14 (57). С. 15–20.

ограниченности времени носит дискурсивный характер⁹ и может осуществляться в двух формах: 1) правовой трансфер (правовая аккультурация), при которой происходит перенос в транзитивное общество юридических норм (правовых ценностей) общества со стабильной правовой системой с целью стабилизации правовой реальности реципиента как онтологической (аксиологической) основы социальной идентификации в глобальном масштабе. Примером может служить политика идентификации в России 1990-х гг., которая была направлена на восприятие норм и ценностей евро-атлантической цивилизации с целью стать ее частью; 2) консервативный поворот, при котором основное внимание уделяется возрождению традиционных ценностей не только в качестве средства аксиологического единения социума, но и отграничения его от сообществ, основанных на иных ценностных основаниях. Последний вариант стал характерен для России, начиная с середины 2000-х гг. Однако в полном объеме он был реализован лишь в конституционной реформе 2020 г. и последующих изменениях в правовой системе доктринального и нормативного характера. Особенно ярко это прослеживается в документах стратегического планирования, которые при всей своей доктринальности всё больше приобретают нормативное действие.

Аксиологически российская идентичность выступает как цивилизационная, поскольку направлена на сохранение самобытности многонациональной российской культуры в условиях непрекращающейся экспансии западных ценностей. С одной стороны, необходимость сохранения и укрепления традиционных ценностей названа в числе целей государственной и общественной безопасности в Стратегии национальной безопасности (ст. 46)¹⁰, адресованной прежде всего для реализации внутри России. С другой стороны, эти идеи присутствуют в Концепции гуманитарной политики России за рубежом¹¹ (п. 1 ст. 13), что свидетельствует о курсе на конструирование идентичности «российской цивилизации» не только территориально, но и экстерриториально, именно на основе формирования ценностного единства.

Нормативное закрепление традиционных ценностей означает, что государство взяло курс на конструирование аксиологических основ идентификации граждан и консолидации российского общества. Принятие в этих условиях Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, хотя и было актуализировано гибридной войной стран евро-атлантической цивилизации против России, имеет более глубокие экзистенциальные корни. Речь идет о курсе на восстановление значения в правовом регулировании и социальном бытии традиционных для российского сознания и поведения архетипов соборности и этатизма, эксплицирующих примат ценностного начала.

Если в стабильно функционирующем обществе ценностные ориентиры являются константами и эксплицируют правовые цели общества, то для транзитивного общества они становятся одним из инструментов правового воздействия на сознание и поведение граждан. Будучи выражением интерсубъективной позиции адресанта правовой коммуникации, правовые ценности призваны сформировать в сознании адресата установку на совершение действий, которые одновременно будут свидетельствовать о его осознанном подчинении воле адресанта и готовности разделить эти убеждения с иными субъектами, идентифицирующими себя с определенным социумом как реально, так и номинально. При этом позиционируется необходимость совершения таких действий не столько в силу привычки или принуждения, сколько в силу осознания их необходимости и целесообразности на уровне правосознания. Это видно на примере анализа актов стратегического планирования, принятых в

⁹ Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity. 2nd ed. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009.

¹⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.

¹¹ Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 (ред. от 17.10.2022) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6315.

последние годы, в которых наблюдается смещение акцента с вопросов социально-экономического развития к проблемам национальной безопасности, существенная роль в которой отводится конструированию ценностного единства общества¹².

Выбор в качестве ценностной основы идентификации российских граждан и консолидации российского общества и государства традиционных ценностей представляется вполне оправданным, поскольку речь идет о цивилизационном противостоянии. Поэтому совершенно не случайно, что в Стратегии национальной безопасности в качестве угроз российскому обществу называется «насаждение чуждых идеалов и ценностей», что «приводит к усилению разобщенности и поляризации... подрывает основы политической стабильности и государственности» (ст. 86).

Необходимо отметить, что усиление ценностного начала в социальной идентификации находит закрепление не только в актах стратегического планирования, но и в законодательстве¹³. Речь идет как о карательных мерах для лиц ценностные ориентации и поведение которых не соответствуют общепринятым в российском обществе, так и об усилении ценностных аспектов правовой социализации. С одной стороны, в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях внесены поправки касающиеся ответственности именно в ценностном отношении. В частности, в УК РФ¹⁴ была внесена статья 282.4 устанавливающая ответственность за пропаганду нацизма как идеологии вражды, не соответствующей традиционным российским ценностям. С другой стороны, в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» уточнена легальная дефиниция «воспитание», в которой усилен ценностный акцент и введена включающий ценностный компонент дефиниция «просветительская деятельность», а также добавлены статьи, посвященные общим требованиям к их организации. Конкретизацией этих идей стало внесение поправок в ФГОС высшего образования об увеличении часов на изучение истории (приказ Минобрнауки России от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования»).

В этом же направлении следует рассматривать развитие мемориального законодательства, призванного транслировать обществу не только перечень дат, событий и лиц прошлого, которые являются историческим образом российской цивилизационной идентичности, но и сформировать отношение уважения к действиям предыдущих поколений, внесших вклад в защиту этой идентичности¹⁵. Поэтому так много внимания уделяется именно дням воинской славы¹⁶. В широком смысле к мемориальному законодательству можно также отнести нормативные правовые акты о конструировании исторического ландшафта, к числу которых относятся нормативные правовые акты, связанные с введением почетных званий «Город воинской славы»¹⁷ и «Город трудовой доблести»¹⁸.

Конструируемая при этом правовая идентичность выступает в качестве методологического базиса социальных, в том числе правовых практик, направленных на

¹² Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 46. Ст. 7676.

¹³ *Nonet Ph., Selznick Ph. Law & Society in Transition: Toward Responsive Law.* London, N. Y. : Routledge, 2001. P. 46–52.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁵ *Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века* // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2019. № 4 (36). С. 19–27.

¹⁶ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» // СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

¹⁷ Федеральный закон от 09.05.2006 № 68-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы» // СЗ РФ. 2006. № 20. Ст. 2158.

¹⁸ Федеральный закон от 01.03.2020 № 41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1133.

конституирование правовой системы, и артикулирует ценностные основания развития и функционирования данного общества. В России конструирование национальной идентичности основывается на патриотизме как комплексной правовой ценности, детерминирующей уважение к отечественной правовой культуре при равноценном восприятии иных культур. Негативное отношение к иным культурам не только не поощряется со стороны государства и общества, но и влечет уголовную и административную ответственность за совершение подобных действий. Так, ст. 282 УК РФ предусматривает наказание за унижение человеческого достоинства по расовому или национальному признаку.

Патриотизм в транзитивном обществе выступает в качестве гражданской религии. Концепция гражданской религии была разработана американским социологом Р. Беллой еще в 1960-е гг. исключительно по отношению к обществу США. Понятие гражданской религии он рассматривает как совокупность разделяемых большинством общества сакральных идей, ритуалов и символов, выступающих в качестве основы национальной идентичности¹⁹. Однако это понятие может быть использовано и по отношению к иным мировоззренческим системам, выражающим сверхъестественное отношение больших групп людей к определенным ценностям и выступающие в качестве аксиологической основы социальной идентичности. Сакрально отношение к патриотизму обуславливает, что формирование соответствующих ценностных ориентаций в правовой культуре осуществляется не только при непосредственном участии государства, но и под его руководством, что позволяет рассматривать такой вид патриотизма, как государственный.

Необходимость поддержания консолидации транзитивного общества обуславливает стремление политической элиты не только к конструированию символов и ритуалов, которые могут выступить основой социальной идентификации, но и закрепив их в законодательстве, придать им императивный характер, обеспечить не только их легитимность, но и легальность. Прежде всего речь идет о государственной символике и ритуалах с ней связанных, которые приобретают не только этактическое, но и сакральное значение²⁰.

Использование патриотических ритуалов в транзитивном обществе строго регламентировано, в том числе выступает средством правовой социализации²¹. Речь при этом идет о воздействии не только на правовое сознание, но и на правовую ментальность, что должно гарантировать примат этих ценностных ориентаций в правовом поведении человека. Это позволяет рассматривать усиление ценностного начала как стремление адресанта преодолеть стохастичность правовых действий адресата, придать им целенаправленный характер, т.е. преодолеть транзитивность социального, политического и правового развития России.

Однако правовой патриотизм российских граждан достаточно противоречив, что проявляется в неоднозначном, зачастую полярном отношении к законодательству. Патриархально-патерналистское правосознание, ориентированное на восприятие законодательства как средств удовлетворения социальных интересов, сочетается с правовым нигилизмом и правовым инфантилизмом, предполагающими отстраненное отношение или даже неприятие закона как выражения воли исключительно политической элиты. Последнее сочетается с широко распространенным мнением, что потенциальная возможность принимать участие в правотворчестве и формировании

¹⁹ *Bellah R. N. Civil Religion in America // Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1967. Vol. 96 (1). P. 1–21.*

²⁰ *Bornman E. National symbols and nation-building in the post-apartheid South Africa // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30. Iss. 3. P. 383–399.*

²¹ См., например: письмо Минпросвещения России от 15.04.2022 № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации» (вместе с методическими рекомендациями «Об использовании государственных символов Российской Федерации при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления») // Вестник образования России. 2022. № 13. Июль. С. 12–40.

состава политической элиты носит лишь формальный характер. В целом же власть и официальное право имеют нелегитимный характер. Как показывают социологические опросы, сформированная с правосознанием общества степень нелегитимной власти обратно пропорциональна близости органа публичной власти к гражданам²². Высшей степенью доверия пользуется Президент РФ, что в целом соответствует традиционному сакральному отношению к главе государства как субъекту, способному решить любой социальный вопрос. В этой связи артикуляция инноваций именно Президентом РФ существенно повышает степень их легитимности в социальных представлениях. Примером могут служить трансляции посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ и прямые эфиры главы государства с народом. Если первые призваны формировать ценностную установку на инновации, выступающие не только целью, но и средством социального развития, то вторые — ориентированы на усиление легитимации власти и правовых актов, от нее исходящих.

Для транзитивного общества характерен примат аксиологического уровня правовой реальности над онтологическими. Конституционная идентификация человека в этих условиях определяется не принадлежностью к определенной нации и реализацией выработанных ею правил, а позиционированием отождествления с сообществом на ценностных основаниях. Зачастую такое отождествление выступает не столько идентификацией, сколько имитацией, поскольку предполагает лишь позиционирование соблюдения правил, а не следование им. Исходя из этого, идентификация в транзитивном обществе носит ситуативный характер и является фрагментарной. В этих условиях изменяется роль законодательства в социальной идентификации. Оно становится инструментом, который использует адресант коммуникации для трансляции адресату системы ценностей, обеспечивающих не только идентификацию граждан, но и правомерное поведение. Одновременно именно законодательство в силу своих инструментальных особенностей способно преодолеть транзитивность и вывести общество на стабильное развитие и функционирование.

Представляется чрезвычайно важным для преодоления транзитивности и развития российской конституционной (цивилизационной) идентичности усиление ее нормативного регулирования. Необходимо принятие федерального закона о принципах и содержании государственной политики по формированию и развитию конституционной идентичности, что даст возможность не только перейти от стохастичности государственной деятельности к целенаправленности, но и создать ценностное единство, симфонию государства и граждан, чрезвычайно необходимую в условиях гибридной войны, ведущейся Западом против России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гусельцева М. С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. — 2017. — Т. 10. — № 54.
2. Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». — 2019. — № 4 (36). — С. 19–27.
3. Левада-центр. Одобрение органов власти, рейтинги политиков, дела в стране: октябрь 2023 года. 26.10.2023 // URL: <https://www.levada.ru/2023/10/26/otsenka-polozheniya-del-v-strane-odobrenie-institutov-rejtingi-politikov-oktyabr-2023-goda/> (дата обращения: 31.03.2024).

²² См., например: Одобрение органов власти, рейтинги политиков, дела в стране: октябрь 2023 г. // Левада-центр. 26.10.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/10/26/otsenka-polozheniya-del-v-strane-odobrenie-institutov-rejtingi-politikov-oktyabr-2023-goda/> (дата обращения: 31.03.2024).

4. Попов В. В., Музыка О. А., Киселев С. А. Транзитивное общество: опыт концептуализации // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 12-2(54). — С. 159–161.
5. Харченко А. Ю. Идентичность в транзитивном обществе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». — 2016. — № 4. — С. 207–212.
6. Честнов И. Л. Социальное конструирование правовой идентичности в условиях глобализации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2010. — № 14 (57). — С. 15–20.
7. Balinchenko S. Mythologeme-Related Crisis of Identity: Reality and Fictional Markers of Alienation // *Future Human Image*. — 2019. — Vol. 11. — P. 5–13. — DOI: 10.29202/fhi/11/1.
8. Bellah R. N. Civil Religion in America // *Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. — 1967. — Vol. 96 (1). — P. 1–21.
9. Bornman E. National symbols and nation-building in the post-apartheid South Africa // *International Journal of Intercultural Relations*. — 2006. — Vol. 30. — Iss. 3. — P. 383–399.
10. Habermas J. Können komplexe Gesellschaften eine Vernünftige Identität ausbilden? // Habermas J. *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*. — Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1976. — S. 92–125.
11. Nonet Ph., Selznick Ph. *Law & Society in Transition: Toward Responsive Law*. — London, N. Y. : Routledge, 2001. — 122 p.
12. Spears R. Group Identities: The Social Identity Perspective // Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. (Eds.) *Handbook of Identity. Theory and Research*. — Dordrecht : Springer, 2011. — P. 201–224.
13. Wilmers L. The Local Dynamics of Nation Building: Identity Politics and Constructions of the Russian Nation in Kazan and Ekaterinburg // *Nationalities Papers*. — 2022. — P. 1–22. — DOI: 10.1017/nps.2022.13.
14. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. *The Discursive Construction of National Identity*. — 2nd ed. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. — 276 p.

REFERENCES

1. Guseltseva MS. Identity in a transitive society: transformation of values. *Psychological Research*. 2017;10(54). (In Russ.).
2. Dorskaya AA, Dorsky AYU. «Wars of memory» and their legal dimension: memorial laws as a phenomenon of legal life of the late 20th — early 21st century. *The Academic Journal of Moscow City University. Series «Legal Sciences»*. 2019;4(36):19-27. (In Russ.).
3. Levada Center. Government approval, ratings of politicians, affairs in the country: October 2023. 10.26.2023. Available at: <https://www.levada.ru/2023/10/26/otsenka-polozheniya-del-v-strane-odobrenie-institutov-rejtingi-politikov-oktyabr-2023-goda/> (In Russ.). [Accessed 31.03.2024].
4. Popov VV, Music OA, Kiselyov SA. Transitive society: the experience of conceptualization. *International Scientific Research Journal*. 2016;12-2(54):159-161. (In Russ.).
5. Kharchenko AYU. Identity in a transitive society. *Herald of Tver State University. Series: Philosophy*. 2016;4:207-212. (In Russ.).
6. Chestnov IL. Social construction of the legal identity under the conditions of globalization. *RSUH/RGGU Bulletin. Series «Economics. Management. Law»*. 2010;14(57):15-20. (In Russ.).
7. Balinchenko S. Mythologeme-Related Crisis of Identity: Reality and Fictional Markers of Alienation. *Future Human Image*. 2019;11:5-13, doi: 10.29202/fhi/11/1.
8. Bellah RN. Civil Religion in America. *Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. 1967; 96(1):1-21.
9. Bornman E. National symbols and nation-building in the post-apartheid South Africa. *International Journal of Intercultural Relations*. 2006;30(3):383-399.
10. Habermas J. Können komplexe Gesellschaften eine Vernünftige Identität ausbilden? In: Habermas J. *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1976.

11. Nonet Ph, Selznick Ph. *Law & Society in Transition: Toward Responsive Law*. London, N. Y.: Routledge; 2001.
12. Spears R. Group Identities: The Social Identity Perspective. In: Schwartz SJ, Luyckx K, Vignoles VL (eds.) *Handbook of Identity. Theory and Research*. Dordrecht: Springer; 2011.
13. Wilmers L. The Local Dynamics of Nation Building: Identity Politics and Constructions of the Russian Nation in Kazan and Ekaterinburg. *Nationalities Papers*. 2022:1-22, doi: 10.1017/nps.2022.13.
14. Wodak R, de Cillia R, Reisigl M, Liebhart K. *The Discursive Construction of National Identity* 2nd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009.